

И. С. СИДОРОВ

РАДУГИН И ХЛЕСТАКОВ

(Об одном из возможных источников «Ревизора»)

В октябре 1834 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» была напечатана следующая заметка:

Хвастунъ въ дальней губерніи

Радугинъ, между самыми высокими своими достоинствами поставяеть то, что онъ въ Москвѣ родился, въ Москвѣ выросъ, въ Петербургѣ служилъ, въ Москвѣ состарѣлся, и притомъ былъ постояннымъ дѣйствительнымъ членомъ Благороднаго собранія, Англійскаго клуба и Скаковаго общества, вѣчно имѣлъ годовыя кресла въ театрѣ и не пропустилъ ни одного гулянья ни подъ Новинскимъ, ни подъ Дѣвичьимъ, ни на Трѣхъ горахъ, ни въ Марьиной рошѣ, ни во Всесвятскомъ, ни на Нѣмецкихъ станахъ.

Въ прошедшемъ году ему случилось быть у насъ въ Саратовѣ: онъ говорилъ только объ одной Москвѣ; сравнивалъ наши привычки и обычаи съ столичными, находилъ страннымъ всё, что хотя на вершокъ отъ нихъ отступало; ему весьма хотѣлось, чтобы весь Саратовъ преобразился ему въ угоду. Онъ говорилъ о Дворѣ, какъ царедворецъ; о писателяхъ, какъ будто бы всѣ они друзья съ нимъ; о высшихъ обществахъ, какъ будто бы онъ первенствовалъ въ нихъ. Онъ переписывается съ министрами; у него просятъ совѣта члены Государственнаго Совѣта; онъ пользуется уваженіемъ, извѣстностью; для него открыты мѣшки съ червонцами банкировъ. По его мнѣнію, только въ Москвѣ и Петербургѣ живутъ люди просвѣщенные, съ дарованіями, знающіе обращеніе и хорошіи тонъ.

И онъ не стыдился говорить это передъ людьми старыми, заслуженными, образованными, которые *видали виды*, и передъ такими, которые *на обухѣ рожь молотятъ и зерна не уронятъ*, и передъ такими, <въ> которыхъ *въ ступѣ пестомъ не попадешь*. Чудное дѣло! Или онъ всѣхъ насъ считалъ пошлыми дураками, или страсть выдавать себя за человѣка значительнаго ослѣпляла его; но онъ до того однажды забылся, что смотря съ балкона на пышную и величавую Волгу, вскричалъ: *«Волга порядочная рѣка для губернскаго города»*.

(РИ, 658—659)

Заметка была напечатана без подписи в разделе «Пересмешник», который вел и чаще всего заполнял собственными текстами (под разными псевдонимами или без оных) редактор газеты А. Ф. Воейков.

Следующей осенью, в октябре — декабре 1835 г., под пером Гоголя на бумагу ложились монологи и реплики Хлестакова.

Невольно напрашиваются некоторые сопоставления.

О чем и как говорил Радугин?

Повторяя полностью второй абзац заметки, приведем, где это возможно, параллельные места из последней редакции «Ревизора»¹:

Р а д у г и н

Х л е с т а к о в

Въ прошедшемъ году ему случилось
быть у насъ въ Саратовѣ:

«Я еду в Саратовскую губернию, в
собственную деревню» (с. 35).

онъ говорилъ только объ одной Мо-
сква;:

Хлестаков постоянно говорит о Петер-
бурге: «Эх, Петербург! что за жизнь,
право!» (с. 48).

сравнивалъ наши привычки и обычаи
съ столичными, находилъ страннымъ
всѣ, что хотя на вершокъ отъ нихъ от-
ступало; ему весьма хотѣлось, чтобы
весь Саратовъ преобразился ему въ
угоду.

«Во дворецъ всякий день езжу» (с. 50)

Онъ говорилъ о Дворѣ, какъ царедво-
рецъ;

«Литераторовъ часто вижу. С Пушки-
нымъ на дружеской ноге» (с. 48);
«Какъ же, я имъ всемъ поправляю стихи»
(с. 49).

о писателяхъ, какъ будто бы всѣ они
друзья съ нимъ;

«Я всякой день на балахъ. Тамъ у насъ и
вистъ свой составился. Министръ ино-
странныхъ делъ, французскій посланникъ,
немецкій посланникъ и я <...> А любо-
пытно взглянуть ко мнѣ в переднюю,
когда я еще не проснулся. Графы и
князья толкуются и жужжатъ там, какъ
шмели» (с. 49—50).

о высшихъ обществахъ, какъ будто бы
онъ первенствовалъ въ нихъ.

Онъ переписывается съ министрами;

«Я прямо к министру!» (с. 33);
в передней у Хлестакова: «Иной разъ и
министръ...» (с. 50).

у него просятъ совѣта члены Государ-
ственнаго Совѣта;

«Меня самъ государственный советъ бо-
ится» (с. 50).

онъ пользуется уваженіемъ, извѣстно-
стью;

«<...> я даже стараюсь всегда про-
скользнуть незаметно. Но никакъ нельзя
скрыться, никакъ нельзя! Только выйду

куда-нибудь, уж и говорят: „Вон“, говорят, „Иван Александрович идет!“» (с. 48).

для него открыты мѣшки съ червонцами банкировъ.

По его мнѣнію, только въ Москвѣ и Петербургѣ живутъ люди просвѣщенные, съ дарованіями, знающіе обращеніе и хорошій тонъ.

Хлестаков говорит о помещиках — соседях по саратовской деревне: «<...> лакей <Хлестакова>, золотая ливрея, входит»: «„Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знают, что такое значит „прикажете принять“. К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную» (с. 30);

«Я ему <отцу Хлестакова> прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга <...> душа моя жаждет просвещения» (с. 36);

«Ведь это только в столице бон-тон и нет провинциальных гусей» (с. 61).

В ранних редакциях комедии можно найти и некоторые дополнительные параллели между репликами Хлестакова и рассказом о Радугине: «В театре я каждый день, знаете, так, как свой» (с. 180); «Да, меня уже везде знают, я на всех гуляньях бываю» (с. 294).

Сходные характеристики персонажей в «Ревизоре» и «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» не ограничиваются лишь теми, кто врет, но и затрагивают и тех, кому врут. Радугин «не стыдился» важничать «передъ людьми старыми, заслуженными, образованными, которые *видали виды*, и передъ такими, которые *на обухѣ рожь молотятъ и зерна не уронятъ*, и перед такими, <въ> которыхъ *въ ступѣ пестомъ не попадешь*». Почти так же мог бы сказать о себе и гоголевский городничий, человек старѣй и заслуженный, выдавший виды, который никогда не упустит своего, не погнушается чужим и, казалось бы, всегда выйдет сухим из воды: «Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! (*махнув рукой*) нечего и говорить про губернаторов...» (с. 93).

Надо, однако, отметить, что ситуация, в которой оказался Радугин, не имела ничего общего с ситуацией Хлестакова. Радугина никто не принимал за другое лицо, он был самим собой. Объединяет их только «страсть выдавать себя за человека значительного», или «желание порисоваться», как назвал это Гоголь в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора“»: «Актер особенно не должен упустить из виду это желание порисоваться, которым более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове, желание ребяческое, но оно [бывает] у многих умных и старых людей <выделено мною. — И. С.>, так что редкому на веку своем не случалось в каком-либо деле отыскать его» (с. 118). Выделенные слова относятся и к Радугину, который уже «состарблся», но этой страсти не утратил.

Любопытно, что набор вымыслов, с помощью которых Радугин и Хлестаков раздувают свое значение в глазах окружающих, совпадает почти полностью, а некоторые расхождения объясняются, пожалуй, именно различием ситуаций. В самом деле, Хлестакову, который не мог расплатиться с трактирщиком, нельзя было похвалиться тем, что для него открыты мешки банкиров, но зато (в отличие от Радугина, находившегося среди людей образованных) он мог безбоязненно присвоить себе авторство «Юрия Милославского» или «Фрегата Надежды».

Конечно, Радугин охарактеризован в заметке практически с одной стороны и, естественно, ни в коем случае не может рассматриваться как главный и тем более единственный прообраз Хлестакова. В то же время считать случайными отмеченные совпадения не приходится — их слишком много. Фигура самозабвенного вранья, расписывающего перед провинциальной публикой свое высокое положение в столичном обществе, явно привлекла внимание Гоголя и дала ему впоследствии пищу для хлестаковских фантазий. Но и тут встает вопрос о первоисточнике. Вряд ли «Хвастун в дальней губернии» есть только плод «чистого» воображения Воейкова либо кого-то еще. Вполне возможно, заметка — это литературно обработанный рассказ о действительных событиях, и не исключено, что статья в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» и «тематика» хлестаковских рассказов восходят к общему устному источнику.

Но могло быть и по-другому: реальный анекдот сначала лег в основу газетной заметки и уже оттуда был почерпнут автором комедии. Во всяком случае, на возможность именно такой генеалогии сюжета и персонажей намекает сам Гоголь на страницах «Ревизора». Сперва Хле-

стаков предлагает Тряпичкину описать случившееся и участников событий в статье для периодического издания: «Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу» (с. 91), — не в литературные ли прибавления к «Русскому Инвалиду»?² Уже потом, познакомившись с этим письмом Хлестакова, городничий понимает, что дело может получить огласку, и опасается стать героем комедии: «Разнесет по всему свету историю; мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит» (с. 94). Заметка, обнаруженная в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», заставляет предположить, что генеалогия образов «Ревизора», возможно, находит отражение в самой комедии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все цитаты из комедии приводятся по тексту академического собрания сочинений Гоголя (1951), поэтому в ссылках указывается только номер страницы.

² В ранних редакциях назывался конкретный печатный орган: «Ты пишешь там разные статейки для Библиотеки для чтения: пожалуста, их помести туда и окри-тикуй» (с. 352, ср. 223).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гоголь, Н. В.: 1951, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. IV: Ревизор.
РИ — 'Хвастун в дальней губернии', *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду*, 1834, 17 октября, № 83, 658—659.